

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

ОСТРОВ ОБЕЩАНИЙ рассказ

Мужчина в строгом пальто безошибочно находит меня среди праздно гуляющих горожан. Приподнимает шляпу в приветствии.

– Половина жизни позади. Не страшно? – говорит Импресарио.

Такие, как он, наступают меня везде. Среди оживлённой улицы, в полупустых кофейнях, когда гуляю с сыном, когда пытаюсь работать, когда засыпаю на старом диване в гостиной. И задают вопросы, на которые не хочу отвечать...

Я всего-то выскочил из офиса пройтись по бульвару и хоть немного оттаять от зимней хандры. Ещё секунду назад мартовское солнце дарило необоснованную надежду на лучшее.

Импресарио вежливо улыбается. Я смотрю на идеальный узел его шейного платка, безупречный покрой пальто, лакированные туфли. И начинаю задыхаться. Неудобная одежда. Неудобные вопросы.

– Не страшно, – мычу сквозь зубы. Настроение безнадёжно испорчено.

– У тебя ведь на эту жизнь были другие планы? – улыбка Импресарио наливается елеем.

Да, другие планы. Мартовское солнце меркнет и мимикрирует под декабрьское. Собственная художественная галерея, выставки – этого уже не случится. Я хотел рисовать по-настоящему и быть востребованным. Но приходится клепать рекламные постеры. У меня ведь семья и обязательства. А жить, как Модильяни, я не способен. Столько не выпью и так не нарисую.

Импресарио молчит. Ему и не надо говорить, чтобы погрузить меня в тягучее и безысходное. Он просто идёт рядом, как немое напоминание.

Разворачиваюсь и возвращаюсь в офис. Механически делаю набросок – очередной бессмысленный заказ. Художественный вкус и фантазия не требуются. Нужно просто моё время, которое мог бы потратить с большей пользой. Мог бы. Но не сумел.

Забираю сына из садика. Проверяю, застегнул ли Павлик куртку, на месте ли рукавицы, свои ли ботинки надел. Всё будто бы в порядке. С ним. Со мной – нет.

Инна злится – мол, мало общаюсь с ребёнком. Чаще предпочитаю молчать. Ведь каждое моё слово будет пропитано отчаянием. Это не то, что я хотел бы отдать сыну.

Зато Павлик не умолкает. Мы доходим до сквера. Сын пересмотрел все сериалы про супермена и настойчиво спрашивает, умею ли я летать.

– Полицейские этого не любят, – уклончиво отвечаю и поглядываю Павлику за спину.

Я столкнулся с Эвридикой в узком коридоре детского сада. Она носит шарфы в любую погоду, даже летом кутается в почти прозрачные, шёлковые. Сейчас в клетчатом, кашемировом, обмотанном в три слоя. Кажется, Эвридика постоянно мёрзнет. Рядом с ней крутится девочка лет семи. Веснушки, светлые волосы, серьёзные глаза. Будь у меня дочь, выглядела бы так же.

Эвридика и девочка останавливаются у фонтана, наблюдают за нами. Они никогда не подходят близко. Даже если забредают в квартиру, стараются не попадаться на глаза. Только и замечу – мелькнет шарф Эвридики или тугая коса девочки.

Пятилетний сын начинает оглядываться и ёжится:

– Пап, пошли домой.

Нам не сбежать. Думать об этом не хочется.

Беру Павлика за руку и увожу подальше от сквера – к дому. Не оборачиваюсь.

Эвридика не похожа на Лизу, но когда смотрю на неё, вспоминаю девушку из прошлого. Двадцать лет назад я обещал Лизе любить её всю жизнь. Тогда и написал первую работу – её портрет. Если вдруг она бросит меня, мечтал я, останется память. Я ещё не знал, что Лиза беременна. И что захочет избавиться

от моего ребёнка. Потом она холодно сообщила – девочка. Моя дочь осталась безымянной. Бросил Лизу я. Портрет забрал себе. В работе уйма ошибок, но это лучшее, что я нарисовал.

Невольню ускоряю шаг. Во дворе уже почти бегу. Павлик еле успеваает за мной.

Захлопываю дверь. И изо всех сил пытаюсь казаться нормальным.

Из кухни выходит Инна. Моментаьно оценивает обстановку. Моя кислая мина, Павлика – растерянная.

Она поджимает губы и срывает передник. Отдышавшись, замечаю, что Инна в нарядном платье.

У нас дата? Юбилей? День рождения? Жена бросает меня? Я с ней почти согласен – это будет спра-ведливо.

В юности, пока не оброс обязательствами и долгами, думал – близкому человеку можно рассказать всё. А теперь... Теперь думаю: правда их убьёт. Всеми силами я должен уберечь любимых от своего издёрганного в клочья внутреннего мира. Слишком часто встречаю гостей с острова, чтобы сомневаться в этом.

Помогаю ребёнку раздеться. Простые действия не дают сойти с ума. Тёплая ладошка Павлика хватается за мою руку. Чувствую тепло и обжигаюсь любовью. Редкие вспышки света на чернильном небосводе. Запрещаю себе думать о чём-либо ещё. В эту секунду я счастлив.

Мы моем руки, раскладываем рюкзак, я достаю из шкафа домашний костюмчик Павлика, на груди – летящий на фоне небоскрёбов супермен. Моему сыну нравятся герои комиксов. Я тоже хотел бы стать для него героем.

На кухне подозрительно тихо.

Инна стоит у окна. Тёмные волосы разметались змеями по красному платью. Напряжённая спина. Не люблю таких спин.

– Что случилось?

Инна резко оборачивается. Пусть бы накричала, но жена говорит устало:

– Ничего. В том-то и дело, что ничего.

В окне за её плечом маячит силуэт Эвридики. Видела ли её Инна? Надеюсь, нет.

– Мне надо уйти. Уложишь Павлика спать?

– Да, – соглашаюсь. И не осмеливаюсь спросить, куда.

В гардеробной нахожу два собранных чемодана – маленький и большой. Вот и ответ.

Старик обычно приходит к ночи. Приносит с собой распатанную табуретку, садится у дивана в гостиной и начинает вспоминать. Обрывки историй и судеб. Я не перебиваю. Жду фразы, которой боюсь больше всего.

– Ты его не спас, – наконец говорит Старик.

– Отец был неизлечимо болен. Его никто бы не спас.

Каждый раз пытаюсь оправдаться. И сам себе не верю. Я должен был что-то придумать. Бывают же чудесные исцеления, ошибочные диагнозы. Бывает, что жизнь поворачивает вспять. Но наппа не повернулась. Отец сторел за полгода от рака – я чувствовал такую беспомощность, что не находил в себе сил даже говорить с ним.

– Ты его не спас, – повторяет Старик.

– Да, не спас, – сдаюсь я, и тяжесть упрочняется в моём сердце.

Старик, крихтя, поднимается и, шаркая тапочками, уходит за дверь. Мне остается табуретка.

Раньше боялся, что Инна или Павлик заметят Старика. Но он всегда достигал меня в одиночестве. Табуретку я прятал. Выносил в подвал. Выбрасывал в мусорный контейнер. Рубил на части. Однажды сжёг. А она появлялась снова и снова.

Сегодня не усну. Брожу по квартире, не решаясь смотреть в окно. И так знаю, что там увижу.

Но всё-таки останавливаюсь, отодвигаю шторм. Сегодня ясное небо. Пояс Ориона по обыкновению скошен, будто звёздный охотник вот-вот сбросит перевязь и махнёт рукой на свою охоту. Но зыркает глазом Большой пес – разгорается Сириус. Испуганный Заяц бросается прочь из-под ног охотника, летяя брызги туманностей.

Понимаю этого зайца. Я бы тоже сбежал, но мне некуда. В нашем старом дворе-колодце стремительно набухает остров, призрачный клоч земли – слишком тесный, чтобы быть уютным. На нём топятя люди. Я не вижу лиц, различаю лишь силуэты. В руках у островитян чемоданы, рядом дети, они одеты так, будто скоро в дорогу. И они ждут.

По обыкновению меня берёт оторопь. Хочется закрыть глаза, но я смотрю, и мой взгляд придаёт силуэтам плотность и достоверность. Скоро кто-то додумается спустить верёвку или лестницу, а то и вовсе прыгнуть вниз. Потом они обойдут двор по кругу и притянутые моим взглядом, безошибочно постучатся в дверь. Отряхивая с сапог снег, или кривясь от жары, ко мне в дом ворвётся незванный гость. Займёт место моих близких, и я не смогу ему отказать.

Силузтам на острове нет конца. Они суетятся, толкаются, кто-то лезет по головам, кто-то падает и продирается между ног.

Остров вскипает, и толпа, как сбжавшее молоко, льётся через край. Женщины и дети, мужчины и старики, они растерянно оглядываются и шарают слепым взглядом по двору. Скоро, очень скоро меня найдут. Те два чемодана из гардеробной – большой и маленький – навсегда покинут дом, и он заполнится чужими вещами чужих людей.

На секунду удаётся прикрыть глаза.

И вдруг понимаю: я сам вызвал к жизни этот остров и его обитателей. Так боялся ошибиться, не успеть, сделать больно, что всё время обещал невозможное. Вдохнул в обещания всю свою силу. И не справился. Ведь оказался обычным человеком. Не Модильяни и не Пикассо. Не главным героем. Никем из исключительных.

Открываю глаза, и снова смотрю во двор. Призрачные гости больше не ищут меня. Чемоданы выскальзывают из рук, а их владельцы таращатся вверх, провожая взглядом уплывающий в небо остров. С него сыплется земля и опметки корней, падают ракушки и глина. Остров быстро мельчает, превращается в далёкую искру, она долго не тает, блуждает по небу и кажется, теперь на поясе Ориона появилась четвёртая звезда.

Выхожу во двор. Хочется открыто посмотреть в лица островитян. Но, похоже, им теперь не нужна моя компания. Люди подхватывают поклажу и детей и, расталкивая друг друга, протискиваются к воротам. Будто слышный только им динамик объявил посадку. На новый остров? К новому хозяину, узнику собственных обещаний?

Какая-то девушка оборачивается, и я узнаю Эвридику. Та улыбается и машет рукой. С удивлением отмечаю: она перестала напоминать мне Лизу.

– Прощай, – ещё никогда я не вкладывал в это короткое слово столько смысла.

– Что? Что ты сказал? – передо мной стоит Инна, губы дрожат, вот-вот расплачется. – Кто эти люди? Почему ты ждёшь их каждую ночь? Почему отпустил меня?

Жена оглядывается на вереницу островитян.

Нет, я не жду, я не отпустил!.. И вдруг осознаю – все эти годы она видела! Я строил такие надёжные стены. Хотел защитить. Но близкие, они рядом, они всё знают про нас. Больше, чем мы хотели бы. И даже больше, чем знаем сами.

– Прости! – я порывисто обнимаю её.

Терпкий запах волос Инны, её озябшие пальцы на моём затылке, прикосновение прохладной щеки, обветренные губы.

Почему я так долго отказывался быть обычным нормальным человеком? Это почти как быть суперменом, только гораздо лучше.

Последнее время больше смотрю вокруг, чем в себя. Так чётче видны детали, да и в целом картина яснее.

Достал из подвала Лизин портрет и отдал Марье Федоровне, пенсионерке из квартиры снизу. Теперь образ Лизы живёт на кухне, и на него с обожанием смотрят все пять соседкиных котов.

Табуретку трогать не стал – пригодится в хозяйстве. Собираюсь сделать ремонт – не на венские же стулья класть банку с краской и кисточки. Теперь всё будет по-новому.

Но я ничего не забыл. Ошибки – тоже часть жизни. Может быть, самая интересная её часть.

Сегодня заканчиваю мурал. Пока бегал за разрешениями, готовил эскиз, договаривался насчёт техники, подёрнутый северными ветрами март сменился цветущим апрелем. Столько вёсен я бездействовал, зато теперь мне есть, что сказать людям. Это рекламные постеры можно рисовать сходу, а картину надо сперва прожить.

Тянусь из люльки сделать последний штрих – затемняю Импресарио шляпу. Не то чтобы я стал суперменом, но Павлик в восторге. Они с Инной стоят внизу, и я чувствую их молчаливое внимание. Отрываю взгляд от картины, даю отмашку. Мол, всё, закончил. Люлька медленно едет вниз. У стены собираются любопытные, журналисты с микрофонами уже наготове.

В старом городе на глухой стене сталинки теперь плывёт остров. На нём толпятся люди с чемоданами. Эвридика с девочкой впереди. За ними – Импресарио и Старик. Не знаю, куда ушли островитяне, но прибежище найдут быстро.

Этот мурал для их новых хозяев – изображение огромного острова в самом центре города трудно не заметить. А рядом надпись, кто надо поймёт:

«Они не настоящие. Оглянись вокруг».

Не хочу быть ни Модильяни, ни Пикассо.

Хочу быть собой.

УЛУЧШЕННАЯ КОПИЯ

рассказ

– Анахронизм! – сказала моя дочь и прервала связь.

Анахронизм – это я. Тот, кто до сих пор называет Глобал-Нэт Фейсбуком и вместо шоу постит «примитивные закаты и рассветы». Так Соня и сказала – примитивные. С пренебрежительным ударением на последнем «и».

Разница между поколениями – это нормально. Да, нормально. Я думал бы так, если б не был отцом двадцатилетней дочери, у которой ещё не прошёл подростковый бунт, которая ненавидит своё имя, только потому что не сама его выбирала, и верит Глобал-Нэт больше, чем собственным глазам. И которая мечтает развиртуализировать свою улучшенную личность. Пожалуй, это беспокоит меня больше всего. Недостатки – единственное, что нас отличает от машин.

Я таращился в окно, будто мог там высмотреть решение. Но видел лишь соседских детей – те сидели на скамейке и гоняли голограмму мяча. Унибраслет у младшего Серёжки сел, он выбыл из игры и расстроено пошёл домой – заряжать. Китайская подделка, плохое качество. Оригинальный Apple держит заряд несколько недель.

Играли сосредоточенно. Не кричали. Радовались победам сдержанно – промелькнёт удовлетворённая улыбка, едва заметно поменяется выражение глаз.

Двор-колодец молча жарился на солнце. Вспомнилось время, когда эти стены отражали эхо детских возгласов, и мне стало не по себе. Соня не приходила в гости. Стыдилась. Старый, четырёхэтажный дом. Глухой, говорила Соня. Все её друзья, их семьи давно перебрались в современные квартиры с системой «умный дом». Парень Сони снимал такую квартиру. Наверное, поэтому и начала с ним встречаться. А в остальном – не знаю, что их с Витом объединяло. Они сидели на одном диване, но каждый пялился в свой экран. Заходил к ним лишь раз. Тридцать восьмой этаж, весь город – далёкая карта. Дочь видела в этом свободу полёта. А я – только свой страх.

Жаркий воздух облепил, лишая сил. Я закрыл окно, включил кондиционер. Сам включил, давать голосовые указания было некому. Вернулся к ноуту, но работа не клеилась. Я писал тексты на заказ – и это тоже было старомодным. Рекламные тексты с ключами, тщательно рассчитанной плотностью вхождений и продуманным латентно-семантическим индексом уходили в прошлое, уступая место коротким видео-шоу. Но клиенты у меня всё же оставались: корпорации-монстры, вложившиеся в Глобал-Нэт, не желали терять ни одного человека потенциальной аудитории, в том числе – читающих ещё динозавров.

Взгляд выхватывал ссылки Глобала, я скользил по материалу – виртуальные помощники, управление профилем теперь становится легче, мы стараемся для наших пользователей. Информация проплывала мимо, не задевая сознания. Работать не выйдёт. Крайний срок сдать задание – завтра. Целый день и ночь. Успею.

Мысли о Соне не давали покоя. С её мамой мы расстались. Жена, которую до сих пор не мог назвать бывшей, без предупреждения развелась со мной и вышла замуж за американца. Теперь она ела бургеры и смеялась несмешным шуткам где-то в засушливой Аризоне недалеко от Большого Каньона. Программирование портит характер женщины, заставляя её думать, что она может изменить жизнь, как меняют код, – просто исправив ошибки в программе. Или добавив новые? Видимо, именно эту черту жена и передала Соне. От меня же дочери досталась погоня за недостижимым. Я люблю Соню и боюсь за неё, потому часто думаю, что в ней не так. Что не так во всех нас...

Я бесцельно бродил по сети. И, конечно же, вышел на профиль дочери. Соло – её ник в Глобал-Нэт. Одна, единственная, одинокая. Соню выдавал колючий взгляд, остальное – отретушированный Глобалом образ. Приложение добавило грудь и бедра, сделало вырез платья поглубже, ноги стройнее, позу развязнее. Ей хотелось казаться взрослой и крутой... Я смотрел на будто выращенное в какой-то колбе тело – одинаковое для многих миллионов зависающих в Глобал девниц – и понимал: оно украло глаза моей дочери и теперь неумело пытается меня обмануть.

Пролистал её шоу – короткие хлёсткие видео, под завязку нафаршированные спецэффектами и дополненной реальностью. Соня с Витом мчат на мотоцикле по хайвею. Соня восходит на Эверест. Прыгает с тарзанки. Сплавается в одиночном каяке по бурлящей реке. Это и есть улучшенная личность? И что на самом деле значит – развиртуализировать? В Глобале я нашёл лишь пару ссылок, они вывели меня на упоминание нового продукта. Общее описание, виртуальный помощник. Ничего серьёзного.

Уверенность и ощущение победы – вот что Глобал-Нэт давал Соне, и что не могли ей дать мы, родители.

Разница между поколениями – это нормально. Я всё понимал, но не мог смириться.

Я вышел в жару, как ступают в опасную реку с крокодилами. Вышел по-старинке, без портативного кондиционера, оставив дома унибраслет – смарта вполне достаточно. Шёл пешком, лавируя между ребятами на городских скутерах, у каждого второго включён унибраслет. Кто смотрел фильм, кто переписывался, кто снимал видео для Глобала. Они не умели смотреть по сторонам. Только внутрь своих экранов. Внутрь себя. Как и моя дочь.

Ещё пару лет – и стану отвратительным брюзжащим стариком. Или гораздо быстрее – прогресс не стоит на месте.

Второй раз чуть не угодил под колеса скутера, когда позвонила жена. Бывшая жена. Когда-нибудь надо начинать говорить правду – хотя бы себе.

– Хай, – сказала Джоанна, которая для меня по-прежнему осталась Жанной. – Как дела?

Риторический вопрос для американцев. Тут надо постараться не пуститься в пространные объяснения. Ответа они на этот вопрос не ждут.

– Слухи о моей смерти несколько преувеличены, – я всё-таки попытался ответить.

– Ты не Марк Твен, чтобы беспокоиться о слухах.

А неплохо для прожившей в Штатах десять лет!

– Что там творится с Соло? Она попросила у меня немалую сумму. Отказывается говорить, зачем. Вернее, говорит, на новое приложение к Глобалу. Но что оно делает, неизвестно.

А у меня не просила. Вызрала ревность. Я всё равно бы не дал. Откуда у копирайтера «немалая сумма»?

– Наша дочь мечтает виртуализировать свою улучшенную личность. Слыхала о таком?

– Шит, шит, шит! – разразился смарт.

– Ты перевела ей деньги?

На том конце зашипели. Если бы не знал, что говорю с Жанной, подумал, что на проводе минимум – кобра.

– Дело дрянь, – жена наконец обрела дар речи. – Ты должен увидеть нашу дочь. Наберу, как только смогу.

Увидеть нашу дочь. Беспокойство достигло пика и превратилось в намерение. Соня не звала меня в гости. И я был настолько щепетилен, что не нарушал выставленные ею границы, называя это свободой. Но разве свобода и границы – одно и то же? Стены с колючей проволокой есть только в тюрьме. Кто их так тщательно возводит раз за разом, не давая мне приблизиться к дочери? Кто?

Улучшенная личность. Виртуализация... Я вдруг вспомнил рабочий материал.

Виртуальный помощник – твоя улучшенная копия. Он с лёгкостью будет управлять твоим профилем, генерируя контент, который привлечёт миллионы подписчиков! Но ты можешь повысить эффективность помощника, дав ему доступ к принятию решений в твоей повседневной жизни. Ты стоишь настоящего успеха!

Шит! Жанна права. Дело дрянь. Я слишком много думал – и в основном, о себе. Соня жила недалеко, но сейчас пять кварталов мне показались неизмеримой пропастью.

Я огляделся. Стал на пути очередного скутера и перехватил руль. Поддержал удивлённого парня, который едва не свалился.

– Извини, вопрос жизни и смерти! – вскочив на скутер, игнорируя светофор, я помчался к Соне.

Надеюсь, что не будет слишком поздно. Что Жанна не успела перевести деньги, желая побаловать дочь, которой от мамы достается не так уж много внимания. Или хотя бы перевела не полную сумму. Что Соня одумалась и отказалась от этого чёртового помощника. Что Вит её отговорил. И какого чёрта он Вит – наверняка элементарный Виталик. Вот уж страсть променять себя на кого-то другого!

Заряд скутера сел за сто метров до ворот, я бросил его и побежал. Оказавшись перед забором, ограждавшим небоскрёб, резко остановился. У меня не было чипа. И я не хотел звонить Соне – не зная, кто ответит на том конце – дочь или улучшенная копия. И как эта копия решит мне помешать.

Я вхолостую метался вдоль забора. Ждать, пока кто-то войдёт, выйдет? Объяснить охране, что сейчас моя дочь совершит непоправимую ошибку? Что мне делать?

Оценив высоту забора, свою физическую форму, вернее, её отсутствие, перебрав в голове навыки детства, проведённого на скалодроме, я полез вверх. Охрана тунеядствовала в своей «умной» будке, наслаждаясь кондиционером, останавливать меня было некому. Но со второй неуспешной попытки я кое-что вспомнил. Когда Соня только переехала сюда и мы ещё общались, она дала мне доступ уровня хозяйина квартиры. Я приложил к табло на заборе палец – биометрия должна сработать.

Есть!

Выбрав нужное парадное, я ворвался в невозможно белый холл, напоминавший больничное отделение, и беспрепятственно прошёл к лифту.

Тридцать восьмой.

Я не знал, что скажу. Мне надо просто увидеть свою дочь.

Но увидел я Вита. Дверь квартиры была распахнута. В студии царил хаос. Лишь мигал окном экрана ноут. Вит сидел, откинувшись на диване, из уголка рта тянулась ниточка слюны.

– Где Соня? Где она?

– Соло? – Вит распахнул мутные глаза.

– К чёрту Соло, мне нужна Соня! – я тряс парня со всех сил, и его голова безвольно болталась из стороны в сторону.

– Сол... Соня сделала это... Она ушла...

– Куда? Говори? Она подключила помощника? Да, нет? А то спалю эту высокотехнологичную хибару к лешему! И останешься без своего Глобала!

Угроза подействовала. Взгляд Вита стал более осмысленным.

– Да. Подключила. А потом... Я не мог её остановить. Она... Всё здесь разбила... Меня оглушила...

Я отпустил парня и тот застонал, опустил голову на руки, мучительно приходя в себя.

– Как тебя зовут?

– Вит, – тот удивился, забыв о боли.

– Нет, настоящее имя.

В глазах парня промелькнул испуг и тут же потух. Понял, что хуже не будет.

– Витя.

– Запомни его и никогда не забывай. Виктор – это победитель. А Соня, София – это мудрость. Уяснил? Тот неуверенно кивнул.

Я подошёл к ноуту, он мигнул, погас и больше не включался.

Где теперь искать Соню?

С Витей пришлось завязать тесный разговор. Было стыдно – я так мало знал о своей дочери, что поддался её желанию уйти в одиночество. Хотя она, конечно, принимала это за самостоятельность.

Соня не встречалась с Витей: им было удобно снимать на двоих дорогую квартиру. Правдами и неправдами ей удалось устроиться на работу в Глобал – в техподдержку. Она была разочарована в парнях и считала – больше никому и никогда не понравится. Витя замолчал и покраснел.

– Ты хоть раз пытался её поцеловать? – не выдержал я.

Тот упрямо мотнул головой.

– А зря. Может, всего этого бы не случилось, – я обвёл рукой разгромленную комнату. И как моей малышке удалось навести такой бардак?

– Там не подступиться. Холодная, как далёкий космос.

– Рядом со звёздами и в космосе жарко. Даже очень. Фото на мотоцикле – вы действительно катались? Или это дополненная реальность?

– Катались, – Витя вымученно улынулся, – я пытался её растормошить. Но после она с головой ушла в Глобал, ещё больше. Решила, что её виртуальный двойник будет заниматься экстримом. Хотела прокачать его в сети, а потом развиртуализировать и... Ну, она думала, если будет следовать его советам в реале, станет такой же крутой, как на своих шоу.

– На кой ей всё это, а, Витя? – я еле сдерживал злость. Первым делом на себя.

– Она хотела оставить след в жизни. Сделать что-то стоящее. Быть самой-самой хоть в чём-то.

Почему моя девочка не знала, что она уже самая-самая – просто потому что живёт. Просто потому что родилась. У нас... ведь была любовь. С женщиной, которую я по-прежнему называю своей женой.

– И как считаешь, так можно оставить след?

– Честно говоря, нет! Я вообще Глобал не люблю, – парень запустил пятерню в лохматую шевелюру. – Но я в меньшинстве. Почти все друзья активировали помощников.

– Откуда деньги взяли? Это ж недёшево стоит, – волосы на затылке поднялись дыбом.

– Родители дали. Они целыми семьями подключаются. Глобал делает хорошую скидку. Ну и так типа все успешные...

Я вспомнил мальчишек во дворе – молчаливая размеренная игра, совсем непохожая на детскую. Значит, так действуют эти помощники. Перед глазами всплыли шоу Сони. Чужое тело, колючий взгляд. Ужасная догадка прошла иглой.

– Витя, она... Соня когда подключила помощника?

– Кажется, у неё что-то не получилось. И она разозлилась.

Я задержал взгляд на поломанных стульях, опрокинутом стеллаже. Соня не была самбистом. Не метала молоты. Не укладывала шпалы. Откуда в руках хрупкой девушки такая сила?

– Где её искать? – я задал вопрос разгромленной квартире.

И тут раздался звонок.

– Хай! – выдохнул смарт голосом Жанны. – Говорю очень быстро, звоню с защищённого канала. Я занималась разработкой этих помощников. Частично. Наноботы с программами встраиваются в нейронную сеть. Программы сделаны так, что блокируют любое решение, невыгодное Глобал. Свобода воли ограничивается многократно. Инфа не должна разглашаться, сам понимаешь. В лучшем случае меня уволят... Ты нашёл Соню?

– Её нет дома. Даже не знаю, подключила ли она помощника.

– Надеюсь, не успела. Я выслала только часть суммы. При частичной оплате можно взять демо-версию. Безстройки в нейронные сети – просто следовать советам бота. Это тоже опасно, но не настолько. Найди её!..

Чёрт, я снова не успел спросить главного.

– Она говорила что-то обо мне? Вспоминала? – я снова вцепился в парня. – Плохое, хорошее?

К своему стыду я не знал, куда сбегает моя дочь, когда ей плохо. Вряд ли Соня сейчас стоит у дверей дома, который называла глушым. Но, возможно, она пошла туда, где ей было хорошо. Где мы были вместе и Соня ещё умела улыбаться.

– Кое-что она не могла вам простить... – Витя замаялся, снова покраснел. – Соня считала, что вы... в общем, слишком легко отпустили её маму. Что не боролись за неё.

Проступило воспоминание – душливое и невыносимое, как эта жара. Я понял, где сейчас моя дочь.

События десятилетней давности. Я моложе и глупее. Соня – младше и мудрее. Фейсбук доживает последние дни. Глобал ещё не монополизировал сеть. Унибраслеты только в фантастических фильмах. Дети бегают на игровых площадках.

Мы сидим с Соней на скамейке – смотрим на веревочный аттракцион. Между деревьями на уровне шести метров от земли развешаны веревочные трассы. Петли из канатов, ненадёжные деревяшки, а то и вовсе ленты. Иди как хочешь. Да, страховка есть. Но соскользнуть и беспомощно болтаться на вершуре – кому захочется? Соня прилипла глазами к трассе. Я знаю, ей хочется попробовать. Но она боится. И вдруг говорит:

– Мама улетает через месяц.

Парк меркнет, перед глазами появляется лицо Жанны. Умное, любимое. И не верю, что теперь – чужое.

– Он чаще говорит «да», – спокойно объясняет жена. – Я задыхаюсь с тобой. Мне нужен воздух и немного безумия.

Воздух? Я всё ещё не понимаю. Разве наша дочь, её улыбка – не глоток воздуха каждый миг?

– Ты слишком крепко меня держал. А сейчас отпусти.

На следующий день Жанна пошла на курсы пилотов.

– Через месяц, – повторяю я слова дочери.

– И ты ничего ей не скажешь? – Соня по-прежнему смотрит на верёвки. Группа проходит по натянутому тросу – трос раскачивает ветер, люди балансируют и чудом не падают.

– Зачем? – от бессилия злюсь. – Я не очень хорош для твоей мамы. Возможно, она найдёт лучше.

Соня молчит, и в её молчании сверкают молнии. После долгой паузы она сдавленно говорит:

– Но ты даже не пробовал...

Моя дочь вскакивает и бежит к началу верёвочной трассы. Как в тумане, я иду за ней. Смотрю, как на Соню надевают систему, шлем. Надо идти с ней, но я лишён воли, ничего не могу. Инструктор даёт краткие объяснения, и Соня, цепляясь руками за трос, уже идёт по первой – самой длинной и оттого страшной – трассе.

Вижу, как дрожат её ноги, как соскальзывают с верёвок руки. И если я не рядом, так хотя бы должен крикнуть: «У тебя всё получится!». Но сам не верю этой фразе, мой рот будто заткнут кляпом беспомощности.

И я молча смотрю, как Соня срывается и повисает на страховке. Как приходит ей на помощь инструктор, как спрашивает, готова ли она продолжать. Прежде чем ответить, Соня смотрит вниз, ловит мой взгляд. И лишь потом отрицательно мотает головой. Нет.

Мы никогда не возвращались к тому дню. Я думал, Соня переросла свою обиду. И не подозревал, что не переросла свою.

Аттракционы в парке убрали. Он оброс многочисленными кафе с вайфаем и зарядкой для унибраслетов.

Я поспешил в глубину парка, на место верёвочного аттракциона. Издалека видел: кое-какие трассы оставили – на самом верху. Прошлое не уходит бесследно: настоящее собирает себя из его осколков, как калейдоскоп – новый узор. И чтобы в будущем в жизни появилась новая грань, её надо добавлять уже сейчас.

Я заметил Соню не сразу, хотя и знал: по-другому быть не может. Одинокая фигурка шла по тросу, натянутому между соснами. Я ускорил шаг, надеясь разглядеть страховку. Уже понимая, что её нет. Соня держалась за провисшую верёвку, остатки благоустроенной трассы.

Лезть навстречу спасать дочь? Двоих трос точно не выдержит.

– Соня, – я тихо позвал дочь, но она услышала. Замерла и крепче вцепилась в верёвку.

Я тоже замер. Надо сказать что-то важное. Прямо сейчас. Но как уложить десять лет ошибок в один миг раскаяния?

Сказать, что виртуальный помощник – обман? Это вызовет только новый виток злости. Что я виноват и мне жаль? Что это изменит? Что я люблю её больше жизни? Не поверит. Что у неё получится? Эта фраза опоздала. Что Витя хочет её поцеловать? Для этой – ещё не время.

Я застыл внизу – бесполезный наблюдатель. Почти как тогда – обессиленный и растерянный.

Не смог ничего придумать, достал смарт. И набрал последний номер.

– Хай! – услышал родной голос после долгих гудков, поставил на громкую связь.

– Жанна, наша дочь сейчас идёт без страховки по тросу на шестиметровой высоте. Ей, как и тебе, не хватает воздуха. Я не лучший мужчина на этой половине земного шара. Слишком осторожный, старомодный. И ещё – я трус. Должен был ещё тогда пойти на курсы пилотов и на равных, сидя в соседнем кресле, сказать, как люблю тебя. Может, ты бы меня услышала. Не знаю, что делают виртуальные помощники, но почему бы нам не попытаться сперва самим помочь друг другу? Жанна, дай мне шанс!..

Из далёкой Америки до меня дошёл всхлип. Я не отрывал взгляд от напряжённой спины Сони. Её плечи начали вздрагивать.

– Хорошо, – вдруг сказала Жанна вместо привычного «о'кей». – Я попробую.

Это было большее на что я мог рассчитывать.

– Соня, девочка моя, – хриплым голосом сказал смарт, – спускайся осторожнее. Мы ещё должны полетать на воздушном шаре. Втроём. И пусть твой папа только попробует отговорить!

Я обошёл сосну и наконец отважился посмотреть в лицо дочери. Она улыбалась сквозь слёзы. Ноги не дрожали. Руки уверенно держали верёвку.

И это было хорошим знаком!

Я помог Соне спуститься, мы шли в обнимку и молчали, боясь разрушить зыбкое согласие, которое вдруг почувствовали друг в друге.

О виртуальном помощнике не спрашивал. Она сказала сама.

– Я попробовала демо, не понравилось.

Вспомнив разгром в квартире, я попытался скрыть облегчённый выдох.

– Программа даёт какие-то дурацкие советы. Я отказалась их выполнять. Потом нахлынула злость. На ровном месте! А сюда, – она махнула на оставшийся позади верёвочный аттракцион, – я бы всё равно пришла.

Заглянул в глаза дочери, толика сомнений ещё жила во мне. Может, Глобал действует гораздо изощрённее – и когда сопротивление личности слишком сильное, помощники добиваются результата, советуя противоположное тому, чего запрограммированы достичь? Но нет, Соня как Соня. Только взгляд стал не таким колючим.

– А этот парень, Витя... Кажется, ты ему нравишься.

– Его проблемы, – нахохлилась Соня, но я успел заметить мелькнувшую и тщательно потом спрятанную улыбку.

Значит, у Вити есть шанс.

Мы шли рядом, вдыхая сладкий запах нагретой солнцем хвои. По тропинкам сновали прохожие, и почти каждый гордо, как драгоценность, нёс унибраслет на запястье.

Я предвкушал встречу с Жанной. Ещё не зная, как всё сложится, как мы преодолеем десять лет пропасты, чем заполним эту прорву пустоты, но веря, надеясь, что справимся. Без всяких помощников.

Глобал не остановится. Рано или поздно наноботы застрянут по нашим жилам. Вопрос лишь в том, кому мы будем доверять больше: себе или им?